

Звезды
НОВОЙ
Фантазии

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

ОКО МИРА

ВЕЛИКАЯ ОХОТА

ДРАКОН ВОЗРОЖДЕННЫЙ

ВОСХОДЯЩАЯ ТЕНЬ

ОГНИ НЕБЕС

ВЛАСТЕЛИН ХАОСА

(готовится к изданию)

РОБЕРТ
ДЖОРДАН

ОГНИ НЕБЕС

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 5

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Д 42

Robert Jordan
THE FIRES OF HEAVEN
Copyright © 1993 by The Bendersnatch Group, Inc.
Maps by Ellisa Mitchell
Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell
All rights reserved

Перевод с английского
Тахира Велимеева и Александра Сизикова
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Сергея Шикина

*Издательство благодарит
за помощь в работе над циклом «Колесо Времени»
Бориса Германовича Малагина, Дмитрия Александровича Духина,
а также всех участников сетевого содружества «Цитадель Детей Света»,
способствовавших выходу в свет настоящего издания.*

ISBN 978-5-389-19079-5

© Т. А. Велимеев, А. Ю. Сизиков,
перевод, 1997
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Харрует
Мой Свет – свет ее глаз

С пришествием его низвергнутся вновь ужасные огни. Сгорят холмы, и станет пеплом почва. Спадут людские волны, и сократятся сроки. Пробита стена, и поднята вуаль погибели. Громяхают за горизонтом грозы, и огни небес очистят землю. Нет спасения без разрушения, нет надежды по эту сторону смерти.

*Из «Пророчеств о Драконе»;
перевод приписывается Н'Делии Басолайн,
Первой Деве и Скрепленной мечом
с Райденом из Хол Кушоне
(около 400 г. после Р. М.)*

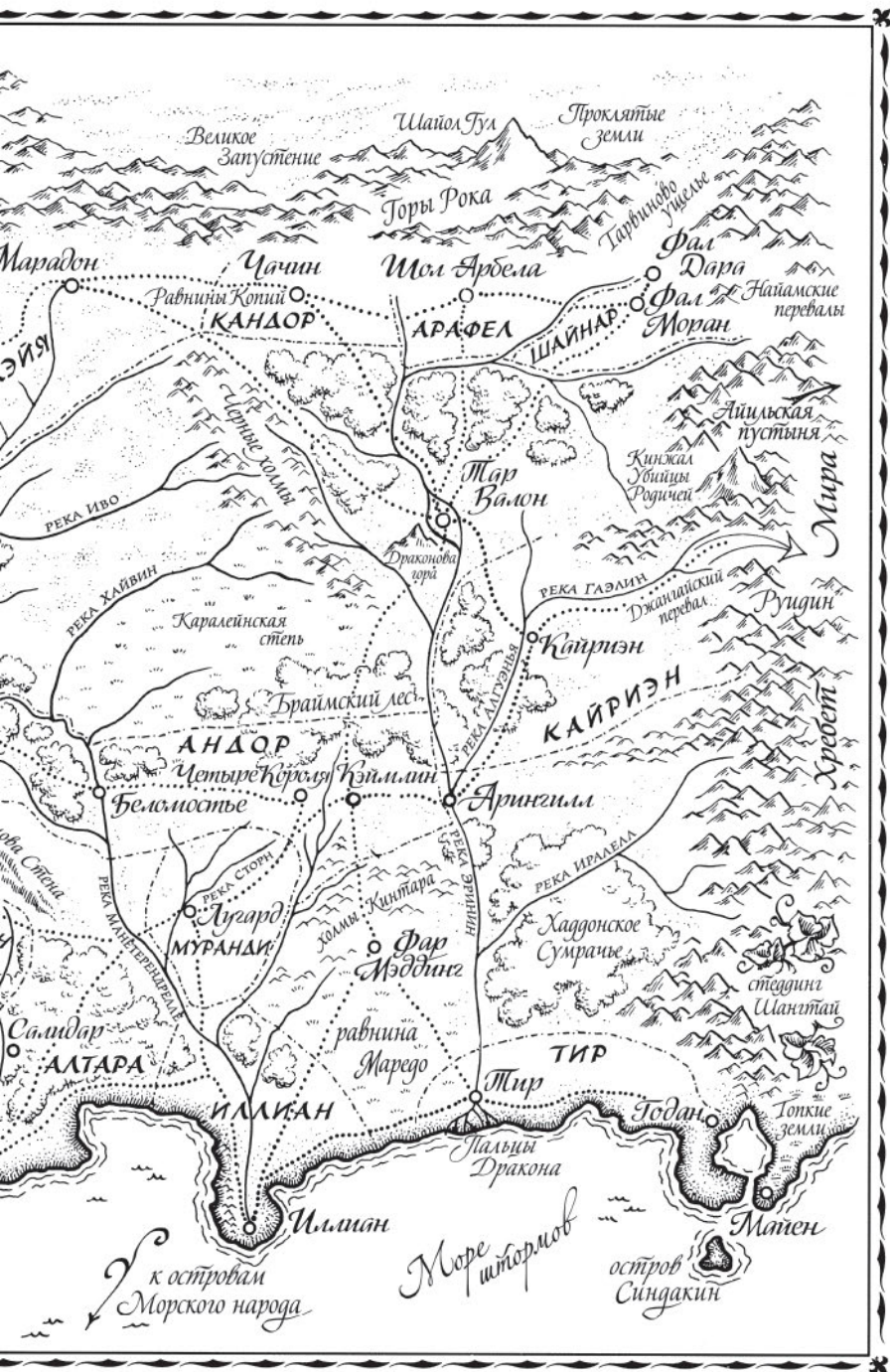

Мертвое море

океан Арийт

ПРОЛОГ

Падают первые искры

Сидя за широким письменным столом, Элайда до Аврини а'Рой-хан рассеянно теребила наброшенный на плечи длинный семиполосный палантин — палантин Престола Амерлин. На первый взгляд многие сочли бы Элайду красивой, если бы не суровость ее лица — лица Айз Седай без следов прожитых лет, — однако очень скоро становилось ясно: хмурая сосредоточенность не связана с серьезностью обсуждаемого дела, она не оставляла ее никогда. Но сегодня в лице Элайды было заметно и нечто большее, а в темных глазах вспыхивал гневный огонек. Но заметил ли кто его?

Элайда почти не слушала женщин, сидевших перед ней на табуретах. Ряды разноцветных платьев — от белого до темно-бордового, из шелка или тонкой шерсти, сообразно склонностям и желаниям, — и на всех, кроме одной, — шали с Белым Пламенем Тар Валона по центру, отороченные цветной бахромой, соответствующей Айя обладательницы. Как будто сейчас здесь заседал Совет Башни. Обсуждали донесения и слухи о событиях в мире, стараясь отсеять факты от шелухи вымыслов, стремясь определить отношение Башни к происходящему и выбрать надлежащую линию действий, но редко кто-то из присутствующих обращал взор на женщину за столом — ту, которой они поклялись подчиняться. Но те, кто здесь был, особо не занимали мысли Элайды. Сидящие напротив нее не понимали, что же важно на самом деле. Точнее, понимали и боялись заговорить об этом.

— По-видимому, в Шайнаре что-то происходит. — Это была Дanelle, хрупкая, часто будто витающая в облаках Коричневая сестра —

единственная присутствующая здесь от своей Айя. Зеленую и Желтую Айя тоже представляло по одной сестре, и ни одной из трех этих Айя радости подобное обстоятельство не доставляло. Голубых не было вовсе. Сейчас большие голубые глаза Данелле смотрели куда-то в пространство; на щеке виднелось нестертое чернильное пятнышко, а темно-серое шерстяное платье было помято. — Какие-то слухи о приграничных стычках. Не с троллоками и не с айильцами, хотя, вероятно, набег через Найамские перевалы участились и стали более жестокими. Стычки между шайнарцами. Необычно для Пограничных земель. Друг с другом они сражаются редко.

— Если они затеяли гражданскую войну, то выбрали самое подходящее время, — холодно заметила Алвиарин. Высокая и стройная, в белом шелке, она одна сидела без шали. Облегающий ее плечи палантин тоже был белым; цвет указывал, из какой Айя она назначена на пост хранительницы летописей. Из Белой. Не из Красной, к которой прежде принадлежала Элайда, что шло вразрез с традициями. Белые сестры всегда оставались холодны. — Троллоки же будто совсем исчезли. Все Запустение, кажется, затихло и присмирело настолько, что сдержать его по силам двум фермерам и одной послушнице.

Костлявые пальцы Теслин забегали по бумагам, лежащим у нее на коленях, но на свои записи она не взглянула. Она была одной из четверки присутствующих здесь Красных сестер — больше, чем из любой другой Айя, — и отличалась не меньшей суровостью и строгим блеском в глазах, чем Элайда, но вряд ли кто назвал бы ее красивой.

— Вероятно, было бы лучше, чтобы оно не настолько притихло, — произнесла Теслин с сильным иллианским акцентом. — Этим утром я получила сообщение. Маршал-генерал Салдэйи отправил в поход армию. И не в Запустение, а в противоположную сторону. На юго-восток. Он бы ни за что так не поступил, если б Запустение не казалось уснувшим.

— Значит, просочились слухи о Мазрима Таиме. — Таким же недогнущим голосом Алвиарин обсуждала бы и погоду, и цены на ковры, а не потенциальную катастрофу. Столько сил ушло, чтобы схватить Таима, и неменьших трудов потребовало сокрытие в тайне его бегства. Ничего хорошего не будет для Башни, узнай весь мир о том, что Айз Седай не сумели удержать в своих руках пойманного Лжедракона. — И по-видимому, королева Тенобия, или Даврам Башпир, или они оба полагают, что в деле с Таимом на нас больше нельзя полагаться.

При упоминании Таима повисла гнетущая тишина. Мужчина, способный направлять Единую Силу. Он был уже на пути в Тар Валон, где его ждало немедленное укрощение, где его навсегда отсекали бы от Истинного Источника, и тем не менее ему удалось вырваться на свободу. Однако не это событие обуздало языки присутствующих. Некогда существование мужчины, способного направлять Единую Силу, было страшным проклятием; поиски подобных мужчин были главной целью Красной Айя, а все прочие Айя помогали Красным сестрам по мере сил. Но теперь большинство сидящих перед столом женщин беспокойно заерзали на табуретах, стараясь не встречаться друг с другом взглядами, потому что разговор о Таиме слишком близко подводил к иной теме — теме, которую никому не хотелось обсуждать. Даже Элайда почувствовала, как к горлу подкатывает желчь.

Алвиарин же, по всей видимости, не испытывала схожего чувства. Уголок ее рта мимолетно дрогнул, то ли в намеке на улыбку, то ли в гримасе.

— Я удвою наши усилия для поимки Таима. И предлагаю отправить сестру к Тенобии, в советницы. Такую, которая привыкла преодолевать упрямство и склонность перечить, присущие этой молодой женщине.

Тут и другие поспешили прервать тягостное молчание.

— Да! Советница Айз Седай ей необходима, — оправив на хрупких плечах шаль с зеленой бахромой, сказала Джолин и улыбнулась, хотя улыбка ее и оказалась несколько натянутой. — Причем такая, которая справится с Баширом. На Тенобию он оказывает излишне большое влияние. Он должен вернуть свою армию. Туда, где она будет нужнее, когда проснется Запустение.

Слишком многое открывалось взору в вырезе платья, еле прикрытого шалью, а бледно-зеленый шелк чересчур облегал тело, чересчур обрисовывал его. И, как представлялось Элайде, чересчур часто Джолин улыбалась. Особенно мужчинам. Вечно эти Зеленые улыбаются мужчинам.

— Не хватало нам сейчас еще одной армии в походе, — быстро сказала Шимерин, Желтая сестра. Этой полноватой женщине каким-то странным образом почти никогда не удавалось выдерживать внешней невозмутимости, характерной для Айз Седай. И слишком часто, особенно в последнее время, у ее глаз собирались тревожные морщинки.

— И нужно послать кого-то в Шайнар, — добавила Джавиндра, еще одна Красная. Несмотря на гладкие щеки, ее угловатое лицо

своей жесткостью наводило на мысль о молотке. Голос Джавиндры звучал резко и жестко. — Мне не нравится подобная смута в Пограничье. Хуже не придумать, если через ослабевший во внутренних сравах Шайнар прорвутся троллочы орды.

— Скорей всего, — согласно кивнула Алвиарин. — Но ведь в Шайнаре есть наши агенты. У Красных, я уверена, есть. И у прочих, пожалуй? — (Четыре Красные сестры неохотно кивнули. Больше никто.) — Пусть они и предупредят нас, если небольшие споры перейдут в нечто такое, что беспокоит нас.

Не составляло тайны, что каждая Айя, кроме углубленной в логику и философию Белой, во всех государствах имела свои глаза и уши, хотя сеть осведомителей Желтой Айя считалась самой слабой и незначительной. Последнее объяснялось просто: что Желтые могут узнать о болезнях или Исцелении от тех, кто не способен направлять? У отдельных сестер были свои доверенные люди, но их оберегали еще больше, чем агентов Айя. Самая густая и разветвленная сеть конфидентов, как личных, так и самой Айя, принадлежала Голубым сестрам.

— Что касается Тенобии и Даврама Башира, — продолжала Алвиарин, — то все согласны, что эти трудности будут преодолены посланными к ним сестрами? — Едва сидевшие на табуретах женщины успели кивнуть, как она продолжила: — Хорошо. С этим все. В самый раз будет Мемара — она не станет слушать всякой ерунды от Тенобии и в то же время не позволит ей увидеть накиннутую на нее узду. Далее, есть ли у кого-нибудь известия из Арад Домана или Тарабона? Если мы срочно не предпримем что-нибудь, то очень скоро обнаружим, что от Бандар Эбана до Побережья Тени господствуют Пейдрон Найол и белоплащники. Эванеллейн, у тебя есть что сказать?

Арад Доман и Тарабон пылали в пламени гражданской войны, и даже хуже. От прежнего порядка не осталось ничего, никто не подчинялся никакому закону. Но хуже всего другое — порядка не было нигде. Элайду весьма удивило бы, если бы его удалось восстановить.

— Только слухи, — отозвалась Серая сестра. Ее шелковое платье под цвет бахромы шали было превосходно сшито и имело глубокий вырез. Элайде часто приходило в голову, что Эванеллейн следовало бы избрать Зеленую Айя — уж очень много внимания она уделяла своей внешности и нарядам. — Чуть ли не каждый в этих несчастных странах — беженец, бежали и те, кто мог бы отослать нам сообщения. По-видимому, панарх Аматаера исчезла, и в ее исчезновении, возможно, замешаны Айз Седай...

Пальцы Элайды сжали палантин. На лице ее чувства не отразились, но в глазах зажегся опасный огонек. Хватит обсуждать салдэйскую армию. Хорошо хоть Мемара из Красной. Удивительно, но они даже не поинтересовались мнением ее, Элайды. Просто «с этим все». От этих мыслей Элайду не отвлекла даже ошеломляющая возможность того, что к исчезновению панарха причастны Айз Седай — если только это не одна из тысячи неправдоподобных рассказней, дошедших с западного побережья. От океана Арит до Хребта Мира повсюду найдется какая-нибудь Айз Седай, к тому же от Голубых теперь всего можно ожидать. И двух месяцев не прошло, как все они на коленях клялись ей в верности — как олицетворению Белой Башни. А что теперь? Принимают решения, даже не удостоив ее взглядом!

В Белой Башне кабинет Амерлин располагался на среднем уровне, однако эта комната являлась центром Башни, как сама башня цвета выбеленной кости была ядром громадного города на острове, который покоился в объятиях реки Эринин. Центром города Тар Валон. А Тар Валон — центр всего мира — или должен им быть. В самом этом помещении присутствовал отпечаток власти, того могущества, каким обладали женщины, занимавшие эти апартаменты на протяжении жизни многих поколений. Пол здесь был из полированного краснокамня, вывезенного из Гор тумана, высокий камин сложен из золотистого кандорского мрамора, стены обшиты панелями из бледного дерева с необычными полосами, богато украшенными причудливой резьбой. Резным неведомым птицам и зверям было более тысячи лет. Выходившие на балкон над личным садом Амерлин высокие сводчатые окна обрамлял камень, блестящий, точно жемчуг. Об этом камне, спасенном из безымянного города, который во время Разлома Мира поглотило Море штормов, было известно всем и везде — такого камня, как этот, не было нигде на планете. Комната олицетворяла власть, несла на себе отблеск всех Амерлин, которые на протяжении почти трех тысячелетий заставляли владык и королей исполнять их волю. Порой бывало достаточно одного слова. А эти... Они даже не удосужились спросить ее мнения!

Подобное оскорбительное пренебрежение стало повторяться уж слишком часто. Хуже и, вероятно, горше всего то, что они узурпировали власть, нисколько не задумавшись о последствиях. Им известно, как палантин оказался на плечах Элайды, ведь именно их поддержка возложила на нее этот знак достоинства Амерлин. Да и самой Элайде все это слишком хорошо известно. Но они позволили себе чересчур многое. Необходимо что-то предпринять. Так дальше продолжаться не может. Но еще не время.

Кабинет, насколько возможно, Элайда обустроила ныне в своем вкусе: резной стол с витиеватой резьбой в виде строенных колец, тяжелое кресло, на спинке которого над темными волосами Элайды снежной белизной светилась большая эмблема Пламени Тар Валона, выложенная драгоценной костью. На столе, на равном, точно выверенном расстоянии одна от другой, стояли три лаком расписанные шкатулки, будто на алтаре. В одной из них Элайда хранила лучшие резные миниатюры из своей коллекции. В белой вазе на простом постаменте у стены рдели розы, наполняя кабинет живым благоуханием. С тех пор как на Престол Амерлин возвели Элайду, еще не было дождей, но благодаря Силе всегда имелись свежие цветы и распустившиеся розовые бутоны оставались нежными и не увядали. А цветы Элайда любила. Их ведь легко подрезать и заставить быть снова красивыми.

В кабинете висели две картины. Чтобы увидеть их, Элайде достаточно было приподнять голову. Остальные избегали смотреть на них; из всех присутствующих в кабинете Элайды Айз Седай одна Алвиарин осмеливалась бросить на них взор.

— Есть ли известия об Илэйн? — робко поинтересовалась Андайя, вторая сестра из Серой Айя. Тоненькая, невзрачная, похожая на птичку женщина, с виду застенчивая, хотя и с чертами Айз Седай, выглядела не подающей никаких надежд посредственностью, но была одной из лучших. В голосе ее все еще слышался слабый отзвук тарабонского говора. — Или новости о Галаде? Ведь коли Моргейз дознается, что мы где-то потеряли ее пасынка, она начнет еще больше интересоваться, куда же подевалась ее дочь. Да? А если она пронохает, что нам неизвестно местонахождение дочери-наследницы, Андор будет закрыт для нас, как и Амадиция.

Несколько женщин отрицательно качнули головой, а Джавиндра заметила:

— В королевском дворце есть Красная сестра, там она как раз на месте. Сестрой она стала недавно, поэтому скорей сойдет за кого угодно, но не за Айз Седай. — Джавиндра имела в виду, что эта женщина еще не обрела лишнего возраста облика, свойственного тем, кто долгое время имел дело с Силой. Попробайся кто-нибудь угадать возраст любой из женщин в комнате, то он мог бы ошибиться лет на двадцать в ту или иную сторону, а в некоторых случаях ошибка была бы раза в два больше. — Но подготовлена она хорошо и достаточно сильна, а помимо того — неплохой наблюдатель. Моргейз ныне всецело занята своими недавно выдвинутыми притязаниями на кайриэнский трон. — Кое-кто из присутствующих пошевелился на своих

табуретах, и Джавиндра, словно осознав, насколько она близка к опасной теме, поспешно добавила: — А в остальном внимание Моргейз занимает, по-видимому, новый любовник, лорд Гейбрил. — Джавиндра поджала и без того тонкие губы. — Она совершенно потеряла голову из-за него.

— А он не дает ей думать ни о чем, кроме как о Кайриэне, — сказала Алвиарин. — Там положение почти столь же худо, как в Тарабоне и Арад Домане. В Кайриэне голод, и вдобавок каждый Дом борется за обладание Солнечным тронном. Порядок Моргейз восстановит. Но чтобы обезопасить трон от посягательств, потребуется время. А до того у Моргейз не хватит сил тревожиться о чем-то ином, даже о дочери-наследнице. И я поручила своему писцу время от времени отправлять послания — у нее недурно выходит подражание почерку Илэйн. Пока мы вновь не обеспечим должного контроля над Моргейз, она вряд ли сумеет что-либо предпринять.

— По крайней мере, ее сына мы по-прежнему держим у себя под рукой, — улыбнулась Джолин.

— Вряд ли можно сказать, что Гавин у кого-то под рукой, — резко заметила Теслин. — Эти его Отроки ввязываются в стычки с белоплащниками на обоих берегах реки. Он едва ли не чаще действует по собственному усмотрению, чем по нашим указаниям.

— Скоро его приструнят, и он будет нас слушаться, — заявила Алвиарин.

Элайда вдруг почувствовала, что этот постоянно холодный расудительный тон становится ей ненавистен.

— Кстати, о белоплащниках, — вмешалась Данелле. — По-видимому, Пейдрон Найол ведет тайные переговоры, стараясь убедить Алтару и Муранди пойти на территориальные уступки Иллиану и тем самым удержать Совет девяти от вторжения в эти страны.

Пребывая в безопасности, вдали от той пропасти, за которой пылает огонь войны, эти женщины трепали языком, рассуждая, не дадут ли переговоры лорда капитан-командора излишне много влияния Детям Света. Вероятно, стоит сорвать эти переговоры, тем самым дав возможность Башне вмешаться и, взяв на себя роль посредника, отодвинуть в сторону Пейдрона Найола.

Элайда скривила губы. Всю свою историю Башня по необходимости вела себя чересчур осторожно — очень многие боялись ее, очень многие не доверяли ей, но никогда Башня *не боялась* никого и ничего. Теперь же в действиях Башни угадывался страх.

Элайда подняла взор на картины. Первая — триптих из деревянных панелей — изображала Бонвин, последнюю Красную сестру, воз-

веденную на Престол Амерлин тысячу лет назад. И этот же триптих являл причину, по которой с тех пор ни одна Красная не носила палантина — до Элайды. Бонвин, высокая и гордая, приказывает Айз Седай использовать Артура Ястребиное Крыло, точно куклу. Бонвин, с надменным видом стоящая на белых стенах Тар Валона, осажденного войском Ястребиного Крыла. И Бонвин, жалкая и колено-преклоненная, перед Советом Башни — ее лишили палантина и жезла за то, что из-за нее едва не погибла Башня.

Многие терялись в догадках, зачем Элайде понадобилось вернуть триптих из кладовой, где он благополучно пылился столько лет. В открытую об этом не говорили, но кое-какие слухи до Элайды доходили. Им невдомек, что необходимо иметь перед глазами напоминание о цене, которую придется заплатить за ошибку или неудачу.

Вторая картина исполнена в новой манере — на натянутом холсте; это была копия наброска какого-то уличного художника с далекого запада, и она вызывала у видевших ее Айз Седай еще большее беспокойство. Среди облаков, что, вероятно, обозначало небо, сражались двое мужчин, оружием им служили молнии. У одного из сражающихся было огненное лицо. Второй был высок, молод, с рыжеватыми волосами. Вот он-то и внушал Айз Седай страх; взглянув на него, даже Элайда стискивала зубы. Она и сама не знала, почему это делает, — то ли от ярости, то ли чтоб не стучали. Но со страхом можно и нужно бороться. Главное — держать страх в узде и не поддаваться ему.

— Тогда — все, — сказала Алвиарин, легко поднявшись с табурета; остальные последовали ее примеру, поправляя юбки и шали; кое-кто уже повернулся к дверям. — Через три дня я ожидаю...

— Разве я дала вам, дочери мои, позволение уйти? — в первый раз с того момента, как все расселись, заговорила Элайда. Все удивленно посмотрели на нее. Удивленно! Кое-кто вернулся к своему табурету, но без всякой спешки. И ни единого слова извинения! Слишком долго она сносила подобное отношение. — Раз вы уже стоите, то дослушаете меня стоя. — Те, кто собирался сесть, на мгновение в замешательстве замерли, и, когда они со смущенным видом выпрямились, Элайда продолжила: — Я не слышала ни слова о поисках той женщины и ее спутников.

Незачем было называть имя «той женщины», предшественницы Элайды. Все знали, кого она имеет в виду. А самой Элайде с каждым днем все труднее становилось даже мысленно упоминать имя прежней Амерлин. *Та женщина* виновата во всех ее трудностях. Во всех!

— Поиски осложнены тем, — ровным голосом промолвила Аквиарин, — что мы пустили слух о ее казни.

У этой Белой лед вместо крови. Элайда упорно смотрела ей в глаза, пока та не добавила запоздалого обращения «мать», но голос ее был безмятежен, чтобы не сказать небрежен.

Элайда обратила свой взор на прочих, добавила в голос стали:

— Джолин, за поиски отвечаешь ты, как и за расследование обстоятельств побега. И в том и в другом случае я слышала лишь жалобы на затруднения. Вероятно, ежедневная епитимья придаст тебе усердия, дочь моя. Напиши, какое наказание кажется тебе подходящим, и представь записку мне. Если я сочту епитимью... не слишком строгой, она будет увеличена втрое.

Вечная, точно приклеенная, улыбка Джолин исчезла, что весьма порадовало Элайду. Под пристальным взором Амерлин Джолин открыла было рот, но ничего не сказала и в конце концов присела в глубоком реверансе:

— Как прикажете, мать. — Слова она точно цедила сквозь зубы с напускным смирением. Но сейчас и этого было довольно.

— Что предпринимается, чтобы вернуть бежавших?

Пожалуй, тон Элайды был суровее прежнего. Возвращение Айз Седай, бежавших, когда низложили *ту женщину*, означало возвращение в Башню Голубых. И Элайда была уверена, что никогда больше не сможет положиться ни на одну из Голубых сестер. Вдобавок она знала, что никогда не заставит себя поверить той, которая бежала, вместо того чтобы приветствовать ее возвышение. Но в Башне не должно быть раскола, она должна вновь стать единой.

Задача вернуть беглянок лежала на Джавиндре.

— Тут тоже есть сложности. — Лицо Джавиндры оставалось, как обычно, спокойным, но она нервно облизнула губы, когда по лицу Элайды прошло облачко раздражения, и добавила: — Мать.

Элайда качнула головой:

— Дочь моя, я не желаю ничего слышать о трудностях. Завтра ты представишь мне записку с изложением всего тобою сделанного, в том числе и обо всех мерах предосторожности, принятых, чтобы мир не узнал о распрях в Башне. — Последнее было чрезвычайно важно — пусть на Престоле новая Амерлин, но мир должен видеть Башню единой и сильной, как всегда. — Если тебе недостаточно времени на порученную работу, тебе, вероятно, лучше отказаться от своего места восседающей от Красной Аия в Совете. Мне стоит подумать над этим.

— В этом нет необходимости, мать, — поспешно уверила ее Джавиндра. — Требуемый вами доклад будет у вас завтра же. Уверена, многие вскоре вернутся.

Ее уверенности Элайда не разделяла, как бы ей ни хотелось такого исхода, но Башня должна быть сильной, должна! Тем не менее указание Элайды было принято к исполнению. Тревога читалась в глазах всех — но не Алвиарин. Если Элайда готова строго отчитать кого-то из своей прежней Айя и даже пригрозить, а с Зеленой сестрой, бывшей с ней заодно с самого первого дня, обращение стало суровой некуда, то, вероятно, они допустили ошибку, обращаясь с новой Амерлин будто с неодушевленным парадным портретом. Пусть на Престол Амерлин ее усадили *они*, но отныне *она* — Амерлин. Еще несколько примеров в назидание в ближайшие дни — и они всё усвоят. Если потребуется, Элайда вобьет это в голову каждой — она готова подвергнуть наказанию любую, даже всех, пока они не взмолят-ся о пощаде.

— В Кайриэне солдаты Тира, так же как и войска Андора, — продолжала Элайда, не обращая внимания на то, что присутствующие отводят взоры в сторону. — Тайренские солдаты, посланные туда тем самым мужчиной, который овладел Твердыней Тира. — Шимерин стиснула пухлые руки, Теслин вздрогнула. Одна Алвиарин осталась холодно-спокойной, точно замерзший пруд. Элайда вскинула руку и указала на картину, где двое мужчин бились молниями. — Смотрите сюда. Смотрите! Иначе вы у меня все до единой на четвереньках будете полы мыть! Если у вас не хватает духу посмотреть на рисунок, то найдется ли у вас мужество встретить неизбежное? Башне не нужны трусливые!

Медленно они подняли взоры, переступая с ноги на ногу, будто разнервничавшиеся девчонки, а не Айз Седай. Алвиарин единственная из всех бестрепетно взглянула на рисунок, и одна она казалась нисколько не взволнованной. Шимерин ломала руки, слезы выступили у нее на глазах. С Шимерин придется разобраться.

— Ранд ал'Тор. Мужчина, способный направлять Силу. — Слова Элайды стегали, точно кнутом. Да и у нее самой скрутило живот, она боялась, что ее вытошнит. Она ухитрилась не выдать своего состояния и продолжила — слова вылетали, как камни из пращи: — Мужчина, обреченный сойти с ума, а перед своей гибелью он наведет ужас на мир, обрушив на него Силу. И даже более того. Из-за него Арад Доман, и Тарабон, и все земли между ними горят в огне бунтов. Если войну и голод в Кайриэне нельзя напрямую связать с ним, то, несомненно, он — зачинщик той войны, что грозит разразиться в еще

больших масштабах, войны между Тиром и Андором! А ведь Башне нужен мир! В Гэалдане какой-то спятивший шайнарец вещает о нем, собирая толпы, разогнать которые не под силу армии Аллиандре. Величайшая угроза Башне, большей опасности миру никогда не грозило, а вы не в силах заставить себя говорить о нем? Даже на картину взглянуть не можете?

Ответом Элайде была тишина. У всех, кроме Алвиарин, был такой вид, будто у них языки к небу примерзли. Большинство не сводило глаз с изображения молодого человека — точь-в-точь как птицы, застывшие под взглядом змеи.

— Ранд ал’Тор. — Это имя горечью отзывалось на губах Элайды. Когда-то этот юноша, такой простодушный и невинный с виду, стоял рядом с ней, на расстоянии вытянутой руки. И она не поняла, кто он. Ее предшественница знала — и одному Свету ведомо, сколь давно ей было обо всем известно! И, зная, она позволила ему оставаться на воле. До бегства *та женщина* многое рассказала. Подвергнутая суровому допросу, она говорила такое, чему Элайда никак не могла поверить. Ведь если Отрекшиеся и вправду на свободе, может быть потеряно все. Однако каким-то образом *та женщина* ухитрилась уклониться от некоторых ответов. А потом, прежде чем Элайда успела расспросить ее вновь, она сбежала. *Та женщина* и Морейн. *Та женщина* и эта Голубая знали все. Их обеих Элайда намерена заполучить в Башню. И они расскажут все, что им известно, до последней крупинки. Но прежде чем Элайда закончит, они на коленях будут умолять ее о смерти. Слова застревали в горле, но Элайда заставила себя продолжить: — Дочери мои, Ранд ал’Тор — Дракон Возрожденный. — Колени у Шимерин подогнулись, и она тяжело осела на пол. Да и кое у кого еще ослабели ноги. Взор Элайды обдал их презрением. — В этом нет никаких сомнений. О нем говорится в пророчествах. Темный рвется на свободу из своего узилища, близится Последняя битва, и Дракон Возрожденный должен встретить его, иначе мир обречен на вечный огонь и разрушение, пока возвращается Колесо Времени. И он, дочери мои, разгуливает на свободе. Где он, мы не знаем. Нам известно о дюжине мест, где его нет. В Тире его уже нет. Его нет и здесь, в Башне, — надежно огражденного от Силы, как тому следует быть. Он обрушился на мир ураганом, и мы обязаны остановить смерч, если есть хоть какая-то надежда пережить Тармон Гай’дон. Он должен быть в наших руках, и мы позаботимся, чтобы он сразился в Тармон Гай’дон. Или кто-то из вас полагает, что он добровольно пойдет навстречу своей предвозвещенной гибели, дабы спасти мир?

Мужчина, который уже, должно быть, сходит с ума? Мы обязаны подчинить его себе!

— Мать... — начала Алвиарин тем лишенным всяких чувств тоном, который так раздражал Элайду, и она оборвала хранительницу летописей злым взглядом:

— Захват Ранда ал'Тора куда важнее всех стычек в Шайнаре или притихшего вдруг Запустения. Это намного важнее, чем отыскать Илэйн или Галада, даже важнее поимки Мазрима Таима. Вы найдете его. Найдете! В следующую нашу встречу каждая должна быть готова подробно изложить мне, что ею предпринимается для розысков. А теперь оставьте меня, дочери мои.

Шуршание юбок, волна неуверенных реверансов, негромкие «Как прикажете, мать» — и все чуть ли не бегом двинулись к выходу. Джолин поддерживала под руку еле державшуюся на ногах Шимерин. Пожалуй, Желтая сестра как раз подходит для следующего урока прочим. Другие понадобятся, чтобы никто не сумел отступить, а Шимерин слишком слаба, ей нельзя оставаться в этом Совете. Разумеется, дни этого Совета в любом случае сочтены. Восседающие должны выслушивать волю Амерлин и тут же бросаться исполнять ее.

Кроме Алвиарин, все ушли.

Дверь закрылась, и две женщины еще долго смотрели в глаза друг другу. Алвиарин была первой, самой первой, кто выслушал и согласился с обвинениями против предшественницы Элайды. И Алвиарин прекрасно понимала, почему она, а не кто-то из Красных носит палантин хранительницы летописей. Красная Айя единодушно поддерживала Элайду, чего нельзя сказать о Белой, а без полной поддержки Белой многие из остальных могли не склониться к мнению заговорщиц. При ином исходе Элайда сидела бы не на Престоле Амерлин, а в темнице. Именно так все обернулось бы. А то и хуже — тогда ее головой, украшающей пику, забавлялись бы вóроны. Алвиарин не так просто запугать, как прочих. Если ее вообще можно запугать. В твердом взгляде Алвиарин Элайда видела тревожащий ее огонек — хранительница летописей считала себя равной ей.

В тишине громом отдался легкий стук в дверь.

— Входи! — сказала Элайда.

В кабинет робко шагнула одна из принятых, бледная стройная девушка. Она тут же присела в низком реверансе — белая юбка с семью цветными полосами на подоле кругом легла на пол. Судя по широко раскрытым голубым глазам и по тому, как девушка старательно держала очи долу, ей передалось настроение только что вышедших от-

сюда женщин. Там, где Айз Седай пробирает дрожь, принятой грозит великая опасность.

— М-матушка, з-здесь м-мастер Фейн. Он говорит, что вы х-хотели видеть его в э-этот час. — Склонившаяся девушка покачнулася и чуть не рухнула от обуревающего ее страха.

— Так впусти его, девочка, незачем заставляя человека ждать, — прорычала Элайда, хотя содрала бы шкуру с девчонки, посмей та привести этого Фейна без предупреждения. Как ни сдерживала она свой гнев на Алвиарин, он переполнял ее, хотя Элайда и запрещала себе думать о том, что не смеет выказать его. — И если ты никак не научишься правильно говорить, то, вероятно, тебе место в кухне, а не в приемной Амерлин. Или будешь делать, как велено? Пошевеливайся, девочка! И передай наставнице послушниц, чтобы научила тебя с рвением исполнять приказы!

Девушка что-то пискнула в ответ и стрелой вылетела вон.

Элайда с трудом взяла себя в руки. Ее несколько не волновало, как Сильвиана, новая наставница послушниц, накажет провинившуюся: ограничится ли выговором или выпорот девчонку. Элайда едва замечала послушниц и принятых, пока они не мешали ей, а думала о них и того меньше. Смирения и послушания ей хотелось от Алвиарин, и чтобы извинялась она, стоя на коленях.

Ну а пока Фейн. Элайда задумчиво провела пальцем по губам. Костлявый человек с внушительным носом. В Башне он появился всего несколько дней назад, в грязном, некогда великолепном одеянии, хотя и великоватом ему. Этот мужчина, то высокомерно-надменный, то раболепствующий, испрашивал аудиенции у Амерлин. Мужчины, не считая тех, кто служил Башне, приходили сюда лишь по принуждению либо когда иного выбора не оставалось. И никто не просил о беседе с Амерлин. Скорей всего, помешанный или полумный. Заявил, будто он из Муранди, из самого Лугарда, но в речи его мешались различные выговоры, порой произношение менялось посредине одной фразы. Тем не менее складывалось впечатление, что этот необычный тип может оказаться полезен.

Алвиарин по-прежнему смотрела на Элайду с ледяным самодовольством, только во взоре намек на вопрос: кто такой Фейн? Лицо Элайды посуровело. Она уже потянулася к женской половине Истинного Источника, дабы при помощи Силы преподать Алвиарин урок и поставить ее на место. Но это не выход. Алвиарин станет сопротивляться, а драка — будто девчонки на конюшне — не тот способ, каким Амерлин должна утверждать свою власть, свой автори-

тет. Однако Алвиарин, как и других, нужно научить подчиняться. И первый шаг — оставить Алвиарин в неведении относительно мастера Фейна, каким бы ни было его подлинное имя.

Едва переступив порог кабинета Амерлин, Падан Фейн выбросил из головы прелестную в своем испуге юную принятую. Она, конечно, лакомый кусочек, и ему нравилось ощущать, как его жертвы трепещут, словно пичуги в его руке, но сейчас важнее другое. Потирая руки, Фейн низко склонил голову, вполне смиренно, но две женщины в кабинете сначала словно не заметили его, в упор глядя друг на друга. Фейн еле удержался, чтобы не протянуть руку и не пощупать с нежностью исходящее от них напряжение. Повсюду в Белой Башне ощущались напряжение и раздор. Все это ему на пользу. Когда понадобится, натянутые струны можно будет подергать, а рознь обратить к своей выгоде.

Фейн удивился, обнаружив на Престоле Амерлин Элайду. Лучшего он и ожидать не смел. Из услышанного Фейн сделал вывод, что во многих отношениях она не столь сильна, как та женщина, что носила палантин до нее. Да, Элайда жестче, куда безжалостней, но в то же время и более хрупкая. Вероятно, согнуть ее — задача потруднее, но сломить — много легче. Если, конечно, дойдет до такого выбора. И все же особой разницы он не видел: одна Айз Седай ничем не лучше другой, будь она хоть дважды Амерлин. Дуры. Опасные дуры, верно, но порой простофили весьма полезны.

Наконец присутствие Фейна заметили. Амерлин, застигнутая его появлением врасплох, слегка нахмурилась, хранительница летописей ничем не выдала своего интереса.

— *Теперь* ступай, дочь моя, — твердо сказала Элайда, сделав легкий, но несомненный нажим на слове «теперь». О да, трения, трещинки во власти. Щелочки, в которые можно бросить семена. Фейн чуть не ухмыльнулся от удовольствия.

Алвиарин замешкалась, потом коротко присела в реверансе. Проходя мимо Фейна к двери, она окинула его лишенным всяких эмоций, но приводящим в замешательство взглядом. Фейн невольно съежился, опасливо втянул голову в плечи, сгорбился. Верхняя губа приподнялась, он едва не зарычал, глядя вслед стройной фигуре Айз Седай. На миг, всего на миг у него опять возникло ощущение, что она слишком многое о нем знает, но он не понимал, откуда взялось это чувство. Ее холодное лицо, холодные глаза никогда не меняли выражения. В это мгновение Фейну так хотелось, чтобы лицо и глаза Алвиарин изменили своему спокойствию. Чтобы в них появился

страх. Боль. Мука. Мольба. Фейн еле удержался от смеха при этой мысли. Конечно, все это чушь. Ничего ей не известно. Терпение — и он еще разберется и с ней, и с ее неизменно бесстрастным взглядом.

В кладовых и сокровищницах Башни есть вещи, которые заслуживают немного терпения. Там хранится Рог Валир, легендарный Рог, который создан, дабы призвать из могил павших героев, призвать их на Последнюю битву. О Роге не ведало даже большинство Айз Седай, но Фейн умел вынюхивать и визнавать. Там же находился и кинжал. Стоя в кабинете, он чувствовал, как кинжал манит его к себе. Фейн мог указать на него пальцем. Кинжал принадлежал ему, был частью его, он был украден и упрятан тут этими Айз Седай. Овладев кинжалом, Фейн сумеет восстановить столь многое из утраченного... Как это произойдет, он не знал, но уверенность не покидала его. Обрести частицу потерянного Аридола. Слишком опасно возвращаться в Аридол — там вполне можно угодить в ловушку. Фейн содрогнулся. Так долго пробыть в этом городе-капкане... Второй раз угодить в силки ему не хочется.

Разумеется, больше никто не называет этот город Аридолом, только Шадар Логотом. Шадар Логот — «Место, где Ждет Тень». Название в самый раз. Так многое переменялось. Изменился даже он сам. Падан Фейн. Мордет. Ордейт. Иногда даже он сам не понимал, какое из имен и вправду его, кто он такой на самом деле. Но в одном он был уверен: он не тот, кем его считают. Всякий полагающий, что знает его, жестоко ошибается. Теперь он преобразен. Сила внутри его, и сила эта лишь в его власти, и ни в чьей более. Со временем все узнают, он им еще покажет.

Вздвигнув, Фейн вдруг понял, что Амерлин что-то говорит. Порывшись в памяти, он нащупал нить разговора.

— Да, мать, эта куртка мне в самый раз. — Он погладил ладонью черный бархат, демонстрируя, насколько превосходной находит свою одежду. Можно подумать, одежда имеет какое-то значение. — Очень хорошая куртка. Крайне вам благодарен за заботу, мать.

Как ему надоели попытки этой женщины заставить его чувствовать себя непринужденной, но он готов вытерпеть и многое другое — встать на колени, целовать ей кольцо. Однако на сей раз Элайда сразу взяла быка за рога, без всяких околичностей:

— Мастер Фейн, расскажи мне все, что тебе известно о Ранде ал'Торе.

Взор Фейна метнулся к картине с двумя бойцами. Он глядел на нее, и спина его выпрямлялась. Портрет ал'Тора притягивал Фейна не меньше самого этого человека, и кровь его вскипала в жилах

яростью и ненавистью. Из-за этого мальчишки он испытал такое страдание, о котором старался не думать, запрещал себе вспоминать об этой боли. Мука эта была много хуже боли. Из-за ал'Тора его изломали, перемололи и воссоздали заново. Да, эта переделка дала ему средства к мщению, но речь не об этом. Мучительное желание уничтожить ал'Тора сжигало Фейна, слепило его, все прочее меркло перед этим стремлением.

Фейн вновь повернулся к Амерлин и заговорил, не сознавая, что держится теперь так же повелительно, как и она, что властно смотрит ей прямо в глаза:

— Ранд ал'Тор хитер и коварен, его не интересует ничто, за исключением одного — его собственной власти. — «Что за дура!» — Никогда не угадаешь, что он сделает. — Но если она сумеет, если с ее помощью ал'Тор попадет в его руки... — Руководить им трудно... крайне трудно, но, полагаю, вполне осуществимо. Первое, что нужно сделать, — это накинуть петлю силков на того из немногих, кому он верит...

Если с ее помощью он заполучит ал'Тора, то, может, и оставит ее в живых, когда уйдет окончательно. Пусть живет, хоть она и Айз Седай.

Равин, без кафтана, в одной рубашке, удобно расположился в золоченом кресле, перекинув ногу в превосходном сапоге через обитый шелком подлокотник. Он улыбался. Стоящая возле камина женщина повторяла отданные ей приказания. Большие карие глаза затянула легкая поволока. Молодая красивая женщина, хоть и напялившая на себя ради маскировки простые шерстяные одежды неброского серого цвета. Но ее привлекательность сейчас мало волновала Равина.

Ни единого тока воздуха не проникало через высокие окна в комнату. Пот катился по лицу говорившей, блестящие капельки выступили на узком лице второго мужчины. Хотя его великолепный алый шелковый камзол сверкал богатым золотым шитьем, он стоял на вытяжку, словно вышколенный слуга, каковым, по сути, и являлся, пусть, в отличие от женщины, слугой стал по своей воле. Естественно, к происходящему сейчас он был глух и слеп.

С потоками Духа, которые обвились вокруг этой парочки, Равин обращался с изящной аккуратностью. Незачем портить ценных слуг.

Разумеется, самому Равину жарко не было, он просто не позволял летнему зною касаться себя. Он был рослым, крупным мужчиной, смуглым и красивым, хотя на висках серебрились белые пряди. Заставить эту женщину исполнять его приказы не составило труда.

На лицо Равина набежала тень. Кое с кем приходилось сложнее. Не многие — считанные единицы — обладали таким твердым внутренним стержнем, что их собственное «я», их разум, даже не осознавая того, беспрестанно искал малейшей щелочки, чтобы ускользнуть прочь. Вот ведь невезение, что ему все еще нужен такой слуга, хоть и в столь незначительной степени. Управлять ею можно, но она продолжает попытки высвободиться, даже не понимая, что оказалась в ловушке. Со временем, разумеется, нужда в ней отпадет; тогда придется решать, отпустить ее на все четыре стороны или избавиться от нее совсем. И в том и в другом случае есть свои опасности. Разумеется, ничего такого, что угрожало бы ему, но он был осторожен и несколько педантичен. Маленькие опасности, если о них забывать, имеют обыкновение перерастать в большие, а на риск он шел, только расчетливо взвесив все и выбрав лучший и наиболее безопасный для себя вариант. Итак, убить ее или оставить в живых?

Возникшая тишина — женщина закончила говорить — вырвала Равина из потока размышлений.

— Когда уйдешь отсюда, — сказал он ей, — ты не будешь ничего помнить об этом визите. В памяти у тебя останется только твоя обычная утренняя прогулка. — Она угодливо закивала, и Равин слегка распустил пряди Духа, чтобы они исчезли вскоре после того, как женщина выйдет на улицу. Добиться повиновения легче при повторном использовании принуждения, но тогда существует опасность, что постороннее воздействие будет обнаружено.

Закончив с женщиной, Равин таким же образом освободил разум Элегара. Лорда Элегара. Дворянин из мелких, но верный своим клятвам. Элегар нервно облизнул тонкие губы и покосился на женщину, потом сразу опустил на колено перед Равином. Странники Тьмы — теперь их называют приспешниками Тьмы или друзьями Темного — отныне, когда освободились из заточения Равин и его сотоварищи, начали понимать, как строго и неукоснительно должны они блюсти свои обеты.

— Выведи ее задом на улицу, — распорядился Равин, — и оставь там. Ее не должны увидеть.

— Будет исполнено, как вы скажете, Великий господин, — ответил Элегар и, не вставая, поклонился. Поднявшись, он, пятясь и кланяясь, удалился. По пути к двери он взял женщину за руку и потянул за собой. Разумеется, она послушно пошла за ним, глаза ее по-прежнему были затуманены. Элегар ни о чем ее не станет спрашивать. Он знал достаточно и хорошо понимал: есть вещи, о которых ему просто незачем знать.

Джордан Р.

Д 42 Колесо Времени. Книга 5 : Огни небес : роман / Роберт Джордан ; пер. с англ. Т. Велимеева, А. Сизикова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 976 с. + вкл. (2 с.). — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-19079-5

«Нет спасения без разрушения, нет надежды по эту сторону смерти», — гласит пророчество о Драконе.

Со времени, когда большинство айильских вождей признали Ранда ал'-Тора Драконом Возрожденным, или Тем-Кто-Пришел-с-Рассветом, все новые и новые бедствия охватывают страну.

В Белой Башне — раскол. Элайда, возглавившая Престол Амерлин, навводит свои порядки, и многие Айз Седай оставили башенную обитель.

Клан Шайдо, не признавший Ранда, покинул свои пустынные земли и, одолев Драконову Стену, двинулся походом на Кайриэн. Чтобы не допустить насилия и разграбления страны, Ранд отправляется в погоню. В жесточайшей битве под стенами Кайриэна погибают лучшие из лучших, но Дракону Возрожденному невдомек, что самая страшная, самая горькая из потерь ждет его впереди...

В настоящем издании текст романа «Огни небес» заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ДЖОРДАН
КОЛЕСО ВРЕМЕНИ
Книга 5
ОГНИ НЕБЕС

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валерий Камендо, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.01.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 61,125 (вкл. вклейку). Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZNF-27772-01-R